

«Нежным дается печаль»

95 лет со дня рождения Сергея Есенина

Хотя в стихотворении «Не
желею, не зову, не плачу...»
Есенин и сказал:

Я теперь скучею
в желаньях,
Жизнь моя? иль ты
приснилась мне?
Словно я весенней гулкой
рань!

Прокакал на розовом

коне,

и поэт целиком осенний и,

может быть, самый осенний из

всех русских поэтов. Да и са-

ма его творческая жизнь по-

суги уместилась в три месяца:

с октября по декабрь,

странным образом совместив-

шись с датами рождения и

смерти. Его настоящая родина,

как это ни парадоксально зву-

чит, не село Константиново,

а русская осень, чей минор под

лучами уже низкого октября

ского солнца так красочен и

пронзителен, что способен за-

ворожить и не столь воспри-

имчивую душу, в тоине, так

глубоко ее ранить, что она

уже никогда не выздоровеет и

«хозяин рябины красной»

будет неизменно отзываться в

ней то ли музыкальным рит-

мом, то ли стройным звоном

слов, то ли тайной немеркну-

щих красок.

Многие, особенно короткие,

стихи Есенина настолько, так

сказать, словосплиты, что,

несмотря на пестроту, напо-

миают: не прошлые цвета-

стые шали рязанских баб, а

легкую стаю березовых или

кленовых листьев, какие, слово-

но стаи испуганных птиц, сле-

тают с осенних деревьев в ти-

хий день при первом же коле-

бании эфира. И как падающие

листья ласкают взор и тревожат душу, так и поэзия Есенина ласкает слух и опять же тревожит душу. Если его стихи читать под музыку, то прежде всего под такую, как фамильярный вальс Шопена или соль-минорная симфония Моцарта. Тут почти полная созвучность. Если же говорить о «сокрасочности» (разумеется, по настроению), то придется вспомнить поэтические картины Виктора Борисова-Мусатова. Родство всего, что называлось, обусловлено мечтой о гармонии, а точнее, скользящим бытия к прозрачности, когда движение еще еле заметно.

Сама по себе поэзия Есенина не настолько проста и прозрачна, как это кажется человеку, привыкшему не заглядывать в глубину, а скользить по поверхности. В чем же тогда ее притягательность и популярность в народе? Или запретный плод сладок? Действительно, сам я, земляк поэта, прочитавший все до единой книги в школьной библиотеке старинного села Каргашино, с его стихами впервые повстречался солдатом в поезде, который вез меня в Приморье. Они были переписаны в две тетрадки четким, как сейчас помню, почерком. Я был поражен не столько пейзажностью слова, есенической звенью, даже не концентрированным, так сказать, настроем картин, знакомых мне с детства, сколько раскованностью изложения (сейчас бы

сказал: свободой от идеологических шор). То есть полной непохожестью на все, чем нас при сталинщине пичкали в школе, где и хорошие стихи русских поэтов, препарированные идеейной заданностью учебников либо объяснений учителей, не доходили до сердца. А ведь настоящая поэзия — это воспаление чувств стихотворца, обжигающее читателя.

Есть у Есенина стихотворение «Море голосов воробынных...» с малопонятными для неопытных строками:

Ах, у луны такое

Светит — хоть кинься

в воду.

Эта затменная метафора — реминисценция (то есть отзвук другого произведения либо воспоминание, приводящее к сопоставлению) легенды о китайском лирике XIII века Ли Пу, которого так заворожило непереносимо прекрасное отражение луны в водах Янцзы, что ему захотелось его обнять. Поэт бросился в реку и утонул.

Подобна отражению луны на струящейся воде и поэзия Есенина. Несмотря на откровенность, а может быть, и благодаря им тоже она настолько чиста и привлекательна, настолько непосредственна, а во многих случаях, пусть это и кажется сверхнепривычным, округла, что человек с неочертевшей душой, вчитавшись (а не всмотревшись, как Ли Пу), входит в нее, как в реку, и тонет в ней.

Она никогда не зовет читателя, не ставит ни в какие рамки, а порой простовато, как деревенская болтушка, порой с оттенком таинственности, как ворожая, говорит ему, что жизнь почти неизбежно печальна, но все же прекрасна, как зеленокурдая бересана на цветущем лугу. Уж не за это ли еще в двадцатых годах комиссары от литературы начали отлучать есенинское слово от читающей публики, от народа вообще? Слишком широка она оказалась для прогрессистов ложа дозволенного ими.

Вульгарная критика буквально оплевала его. Вот и Н. Бухарин, которого называли знатоком поэзии (теперь-то, прочитав его статьи, мы можем убедиться, что само слово он видел, но за слово заглянуло было совершенно не в силах, а без зоркости, какой же это критик), писал, например: «Говорят нам: крестьянский поэт переходной эпохи... Не совсем так!.. Есенинская поэзия, по существу своему, есть мужичок, наполовину превратившийся в «ухаря-купца»... ухарь припадет сегодня к ножке «Государыни», завтра лижет икону». Дальше Бухарин стегает Есенина за возврат «нашему рабскому прошлому» и даже за возврат к Тютчеву (такой укор для культурного человека постыден), хотя есенинское начало совсем из других источков. Это и не критика вовсе, а обычный разнос даже не поэта, а ку-

харки, что она испекла не круглый, а четырехугольный пирог. Упоминание же Тютчева полностью обессмысливает для современного читателя сентенции Бухарина. А когда-то на основании подобного бреда Есенина удалось «закрыть».

На самом деле Есенин вышел, отнюдь не из Тютчева, а из Блока, Клюева и отчасти Ширяева.

Если у Блока Есенин взял отдельные приемы и мотивы, то с Николаем Клюевым они братья по крови. Сейчас уже никто не отрицает, что свою палитру Есенин во многом заимствовал у Клюева. И ничего плохого в этом нет (я ведь чую ли не вся поэзия Блока — это бесконечные вариации на одни и те же темы). И тем не менее они очень разные. Если Есенин описывает предмет, то Клюев пишет предметом — вещь у него как бы говорит внутренним голосом. Недаром у него много пророчеств.

Правда, всего Есенина мы не знаем до сих пор. Газета «Книжное обозрение» только что напечатала полный текст его «Послания к Евангелисту Демьяну», где Есенин ведет на моральную Голгофу Демьяна Бедного, которого он называет: «Ефим Лакеевич Придворов», слегка изменив отчество. Документальных данных, что это стихотворение Есенина, нет. Тут можно судить только по манере. Добавлю, что Дмитрий Павлович Смагин, с которым я работал в свое

время в «Забайкальском» рабочем, и от которого впервые услышал полный текст «Послания», сам не раз встречался с рыжекудрым рязанцем и не сомневался, что автор именно он. К сожалению, во времена, когда Смагин был еще жив, и помыслить было нельзя, что стихи о Демьяне будут напечатаны. А воспоминаний Смагина, хотя знал массу интересного о двадцатых годах, не оставил.

Между тем сейчас разработано несколько версий, по которым Сергей Есенин не покинул с собой, а был насищенно умерщвлен. И, как знать, не сыграло ли то же «Послание» (а за Есениным известно еще немало злых частушек) тут роковую роль: Демьян Бедный был человек влиятельный и метительный...

Все стихи из тех двух солдатских тетрадей я в армии выучил наизусть и не раз потом в минуты отдыха читал их друзьям. Его звонкое слово, напоенное грустью, в трудный час помогало и мне самому. Потом я узнал десятки других интереснейших русских поэтов, которые, как нам усердно вдалбливали в голову, «заслуженно забыты». Теперь эти замечательные гранильщики слова возвращаются к народу. Среди них есть и творцы, которые, несомненно, талантливе Есенина. Но на золотой шкатулке поэтов «серебряного века» и монограмма певца с берегов Оки останется навсегда.

М. РОЖКОВ.